

© 1994 г.

А.П. БУТЕНКО

О ХАРАКТЕРЕ СОЗДАННОГО В РОССИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ

В апреле 1995 г. исполнится десять лет непрерывной перестройки и реформирования общественного строя, который мы называли социалистическим.

Что же мы имеем в итоге?

К). Буртин и Г. Водолазов в статье «В России построена номенклатурная демократия» [1] так отвечают на этот вопрос: «Множество фактов указывает на то, что в итоге горбачевской перестройки и почти трех послеавгустовских лет в России в основных чертах уже сформировался новый общественный строй. Достаточно далеко отстоящий от "реального социализма", которому он пришел на смену, этот новый строй в то же время имеет мало общего с тем, что не раз провозглашалось у нас в качестве цели "политики реформ": развитое гражданское общество, высокоразвитая рыночная экономика, демократическое правовое государство. Ни по одному из перечисленных параметров наш новый строй даже отдаленно не приближается к указанному образцу. Тем не менее он существует, приобрел известную законченность, а потому в полной мере заслуживает серьезного анализа».

Думаю, что следует поблагодарить авторов прежде всего за то, что вместо пустопорожней болтовни о надвигающемся апокалипсисе (некоторые алармисты предвещают его наступление с сегодня на завтра уже на протяжении девяти лет) положено начало благому делу — анализу сущего, а не только должного (возможно-невозможного). Ведь без хорошего понимания настоящего немислимо никакое сколько-нибудь разумное предвидение и прогнозирование. Порадовало меня и то, что авторы, вынужденные по характеру избранной проблематики обращаться к абстрактно-теоретическим категориям, почти обошлись без привычных догм, без затасканных идеологем «марксизма-ленинизма», который много десятилетий выдавал себя за совокупность взглядов Маркса и Ленина, а на деле был изобретенной И. Сталиным и слепленной им из отобранных идей моноидеологией отечественного тоталитаризма.

Однако я решил взяться за перо не только ради того чтобы рассыпаться в благодарностях, но также затем, чтобы в чем-то поспорить и высказать свои соображения. Их у меня четыре.

Первое мое возражение сводится к несогласию с авторской оценкой того, *откуда мы идем?* Ю. Буртин и Г. Водолазов считают, что рассматриваемый ими нынешний строй, есть строй, «достаточно далеко отстоящий от "реального социализма", которому он пришел на смену». Короче говоря, к нынешней организации общества мы пришли, идя от «реального социализма». Но ведь «реальный социализм» — это вовсе не однозначно понимаемый всеми общественный строй, а позднее идеологическое понятие сталинского марксизма-ленинизма, не раскрывающее, а, напротив, скрывающее суть того общественного устройства, в рамках которого началась горбачевская перестройка.

Да, именно так официально называлась та «неведома зверюшка», которая была создана в нашей стране стоявшей у власти партийно-государственной бюрократией. Как раз в условиях послесталинских режимов, а если быть точным, во времена брежневского руководства и было изобретено понятие «реальный социализм», чтобы

обозначить им те страны, где коммунисты пришли к власти и осуществили свои антикапиталистические (ошибочно принятые за социалистические) преобразования, будто бы приведшие к новому общественному строю в разных странах неодинаковой степени совершенства и зрелости, именно поэтому обобщенно называемые странами «реального социализма».

Но все это — к истории понятия «реальный социализм». Однако, чтобы нарисовать действительную картину исторической трансформации нашей страны, нельзя идти от неопределенного мифологизирующего понятия к реальному строю: ведь понятия вообще в действительность не преобразуются! Поэтому очень важно раскрыть как раз то, какой *реальный* строй скрывался за этим понятием? Ведь еще со времен Льва Троцкого, писавшего о термидорианском перевороте, осуществленном И. Сталиным, во всем мире стало распространяться мнение, что реального социализма вообще не было, что применительно к Советской России следует говорить ИЛИ о «переродившемся рабочем государстве», ИЛИ о «бюрократическом госкапитализме», ИЛИ о «коммунистическом тоталитаризме». К последнему мнению склоняется все больше современных политологов.

К сожалению, авторы ушли от ответа на этот вопрос. Может сложиться впечатление, что Ю. Буртин и Г. Водолазов считают, что в Советском Союзе, покрытом струпами ГУЛАГов, действительно был реализован социализм. Лично я сомневаюсь, ибо вряд ли эти здравомыслящие публицисты назовут социализмом общественный строй, в котором и политическая власть, и средства производства отчуждены от людей труда.

Из-за пренебрежения сложностями этого вопроса (их старательно обходят и авторы статьи) во многих серьезных не только газетных, но даже журнальных публикациях можно столкнуться с любопытными «антиномиями» современного политического мышления: один и тот же автор на одной странице утверждает, что в СССР рухнул социализм, а на следующей доказывает, что социализм — это утопия. Но, если социализм действительно утопия, т.е. то, чему нет места в реальной жизни, то как же тогда быть с утверждением о крушении социализма в СССР и других странах? Ведь не может потерпеть фиаско то, что и существовать-то не могло! Конечно, может быть авторам подобных апорий известна какая-то особая, неведомая миру логика, которая позволяет совместить несовместимое? Мне такая логика не известна!

С моей точки зрения, единственный выход из отмеченных противоречий в том, чтобы признать: правившая партийно-государственная бюрократия строила отнюдь не социализм как общество людей труда, а стремилась реализовать свой социальный идеал — казарменный псевдосоциализм, где полновластна именно она — номенклатура. В результате и был создан не социализм, а общество-монстр, двуликий Янус, клявшийся в своей верности людям труда, которым бросал подачки с барского стола, но верой и правдой служил бюрократии, номенклатуре. Именно это общество — казарменный псевдосоциализм как коммунистическая разновидность тоталитаризма — и было отвергнуто народом, рухнуло, перестало существовать.

Второе мое замечание связано с характеристикой *созданного сегодня в России строя*. Оно имеет два аспекта.

Авторы называют созданный в России общественный строй «номенклатурной демократией». Если быть логически последовательным, то демократия, независимо от того, какой эпитет к ней приставлен, — это характеристика политического, а не общественного, социально-экономического строя. Мало того, возникает серьезное сомнение и в самой возможности «номенклатурной демократии» — можно ли органически совместить интересы номенклатуры, управляющих, меньшинства с политическими формами, рассчитанными на участие народа, большинства граждан? Не являются ли авторитаризм, тоталитаризм, диктатура, т.е. именно антидемократические политические формы более подходящими для номенклатуры?

о моем мнению, события 3—4 октября 1993 г., когда президентская власть пошла на танковый расстрел защитников конституционного строя, со всей очевидностью

показали как раз эту несовместимость интересов новой номенклатуры, власть имущих с демократией, отчетливо высветили сильнейшую их тягу к авторитаризму, вооруженному диктату, насильственной диктатуре. Именно в ходе этих событий неокрепшая российская демократия была трансформирована в недемократический авторитаризм.

Спрашивается: зачем? Мотивы утверждения власти «железной руки» были достаточно очевидны. Конечно же, в условиях дикой капитализации, навязанной стране президентской командой под видом экономической реформы, постоянная критика Верховным Советом, нардепами совершаемых властью действий, принимаемые или непринимаемые ими законы грозили политическим взрывом. В этой ситуации высшая власть решила: с таким положением пора кончать! Разогнав парламент и утвердив жесткую авторитарную власть в стране, можно будет избрать более послушный парламент, а затем принудить строптивых граждан принять капитализацию страны в ее нецивилизованной форме.

При обывательском подходе кажется: о каком авторитаризме в России можно вести речь, если конституция и законодательная власть отсутствовали в стране всего несколько месяцев — с 21 сентября до середины декабря 1993 г. — и уже вскоре были заменены новыми?

Здесь смешаны три вопроса: во-первых, вопрос о смене демократического режима авторитарным; во-вторых, вопрос не оправдавшихся надежд, связывавшихся с утверждением авторитарной власти; в-третьих, вопрос о камуфляже авторитарной власти. Поскольку все эти вопросы имеют прямое отношение к пониманию существующего в России общественного строя, остановимся кратко на каждом из них.

Ответ на первый зависит не от того только, отменена ли прежняя или не действует вообще конституция. Как известно, авторитарный режим генерала де Голля был введен не отменой старой, а принятием новой конституции, предоставившей президенту авторитарные полномочия. Думаю, что конституция, объявленная принятой референдумом 12 декабря 1993 г., предоставляет президенту России не меньшие авторитарные права, чем конституция 1958 г. президенту Франции. Но дело не только в этом: разгон парламента и расстрел Белого дома, серия связанных с этим действий имеют далеко идущие последствия. Случившееся создало прецедент: научило исполнительную власть обходиться без законодательной, привило вкус к подобному самоуправству. Нельзя отрицать и того, что вмешательство армии в подавление выступления граждан сломало какую-то часть населения, наложило неизгладимую печать на общественное сознание.

Другое дело, что даже кровавый удар «железной руки» не оправдал надежд власть имущих. Несостоятельность их расчетов обнаружилась очень скоро, когда во время выборов стало ясно, что население не поддавалось давлению. И в этом нет ничего удивительного: ведь даже приговоришкам от социологии и политологии было ясно, что в условиях экономических перемен, ведущих к обнищанию широчайших масс, каждый новый парламент будет не только не таким же сговорчивым как существующий, а обязательно станет радикальнее предыдущего. В таких условиях конфликтовать с законодательной, представительной властью, вести дело к ее разгону или роспуску губительно как раз для тех, кто торопится капитализировать Россию.

Когда желанная для власть имущих авторитарная власть стала реальностью, она не только не оправдала их надежд, но и, как снятый со сковородки каштан, стала жечь руки. Получив авторитарные рычаги властвования, они очень скоро почувствовали, как стремительно с них слетает демократический лоск. Надо было что-то делать, маскироваться перед Западом, обещавшим властям поддержку именно как Демократическим реформаторам, но теперь заявлявшим устами президента Франции Миттерана, что Б. Ельцин «прибегает к практике, о которой я сожалею, и которая никак не может быть названа маршем по пути к демократии».

Как же быть в такой ситуации? Править удобно авторитарно, а выглядеть надо демократично.

Чтобы как-то замаскировать замену демократии авторитаризмом и как-то спрятать

высовывающиеся отовсюду уши антидемократизма и диктаторства, нашлись холоуи, которые фальсифицируя азы политологии, стали изображать созданный авторитарный режим с пристройками ... «контролируемой демократией». Не правда ли, чудная находка! Она сегодня и осуществляет (высмеянную в газете «Фигаро») попытку совместить противоположности: авторитаризм в жизни с контролируемой демократией в теории, точнее, в официальной пропаганде. На мой взгляд, и находка наших авторов — «номенклатурная демократия» — тоже столь же благозвучна, как сапоги всмятку! Но, может быть, у Ю. Буртина и Г. Водолазова были другие намерения? Может быть, внутренняя противоречивость самого этого понятия должна была, по их мнению, объяснить метания власть имущих между цивилизованной демократией и деспотическим авторитаризмом, показать, что ничто так не мешает развитию демократии как ее отсутствие, тем более у ее отцов-основателей?

Другой аспект моего замечания связан с тем, что авторы, не разъяснив, что они понимают под «реальным социализмом», решительно называют новый строй «далеко отстоящим от "реального социализма"». С этим хотелось бы поспорить.

Ведь одна из отличительных черт «неведомой зверюшки», которую нарекли «реальным социализмом», — как раз то, что в ней социализма не было именно потому, что, хотя политическая власть и средства производства официально провозглашались принадлежащими трудящимся (общенародное государство, всенародная собственность) и *юридически* (это нужно подчеркнуть) являлись таковыми, на деле они, во-первых, были отчуждены от народа, и, во-вторых, *фактически* узурпированы и широко использовались партийно-государственной бюрократией, номенклатурой в своих интересах, юридически не будучи их собственностью.

Что же мы имеем сейчас? Если в ходе горбачевской перестройки делались робкие попытки вернуть политическую власть трудящимся (вспомним лозунг XIX партконференции «Вся власть советам», реализация которого должна была отобрать политическую власть из рук не подвластного народу тандема партия—государство, — когда все ключевые вопросы решались в тайне от народа, в Политбюро ЦК КПСС, а представительная власть только «огосударствляла», придавала политический смысл партийным решениям — и вернуть ее народу; напомним и попытки выборов директоров, передачи управления собственностью в руки рабочих коллективов), то после августовских событий 1991 г. этот процесс пошел вспять. Более того, сегодня под видом кардинальной демократической реформы политическая власть и собственность именно *конституционно* отчуждаются от трудящихся и закрепляются за номенклатурой. Иначе говоря, под прикрытием разговоров о демократической реформе происходит приведение состояния, которое *фактически* имело место при «реальном социализме» — политическая власть и собственность узурпированы номенклатурой — в *юридически оформленное*.

Поэтому смешно говорить, будто мы «далеко отстоим» от реального социализма: то, что там скрывалось юридическим покрывалом, конституционными декларациями и статьями, здесь не только сохраняется, но и санкционируется, оправдывается юридически: отчуждение политической власти и средств производства как было фактом «реального социализма», так оно является фактом и созданного, ныне существующего общественного строя. Но только в условиях «реального социализма» *юридически* и политическая власть, и собственность на средства производства провозглашались народными, принадлежащими трудящимся, теперь же они не только фактически, но и юридически закрепляются за номенклатурой, за «новыми русскими». Как раз в этих целях разрушена прежняя система власти — система Советов; с той же стратегической целью осуществляется разгосударствление и приватизация средств производства.

На первый взгляд подобное изменение, бесспорно отличающее нынешний общественный строй от «реального социализма», может показаться несущественным, если иметь в виду, что и при «реальном социализме», и при нынешнем строе человек труда отчужден от политической власти и средств производства: и при господстве пар-

тийной бюрократии, и при новой номенклатуре налицо общественные порядки, лишаящие массы, большинство граждан и политической и экономической власти. (Кстати, это констатируется и в статье двух авторов: «Общество не стало демократическим, народ, как и прежде, отстранен от собственности, от рычагов власти и управления — здесь существенных изменений не произошло. Обновилась элита, сменились формы ее правления»).

Но если это так, а это действительно так, то на каком же основании в качестве результата авторского анализа ныне существующее устройство называется демократией (пусть даже номенклатурной!), если «общество не стало демократическим»? Или понятие «номенклатурная демократия» это лишь ярлык, этикетка, а не существенная содержательная характеристика нынешнего строя?

В таком случае весь авторский анализ обесценивается, ибо он своим выводом — «в России построена номенклатурная демократия» — не только не итожит анализ, а ставит новый вопрос: что же на деле скрывается за этой «недемократической» демократией? В чем ее отличие от прежней недемократической, так называемой социалистической демократии? Если попытаться помочь авторам, делая вывод из их суждений, то он будет таким: отличие в том, что то, что раньше хотя бы юридически принадлежало народу, а фактически служило номенклатуре, теперь не только фактически, но и юридически принадлежит новой элите, соединяющей в себе часть прежней партийно-государственной бюрократии с новыми выдвигенцами («новыми русскими»), среди которых значителен процент представителей мафиозно-спекулятивного капитала. Это существенно меняет — и чем дальше, тем больше — всю структуру общественно-политического строя, придает ему новые зловещие черты: теперь даже юридического провозглашения прав народа не будет, если не считать в качестве таковых двух-трех популистских фраз-деклараций, содержащихся в любой конституции любой страны.

Третье мое замечание связано с тем, как охарактеризовать не политический, а *общественный* строй современной России?

Хотя в заголовке статьи содержится ответ на вопрос о политическом, а не общественном строе, Ю. Буртин, в чем-то не соглашаясь с соавтором, пишет: «По аналогии с вашей ((?) — А.Б.) "номенклатурной демократией" я назвал бы этот экономический строй **НОМЕНКЛАТУРНЫМ КАПИТАЛИЗМОМ**».

Хотя аналогии — не доказательство, а повод для размышлений, поставим вопрос ребром: что значит определить общественный строй современной России? Если не сводить задачу к подбору какой-нибудь этикетки из того их обилия, которое было выработано сталинским марксизмом-ленинизмом, а стараться разобраться по существу, то это значит прежде всего, выяснить: «Кому на Руси сегодня жить хорошо?»

Прежде чем отвечать на так поставленный вопрос, выясним, а как живет страна в целом, как чувствует себя сама Россия? Плохо! Свидетельством этого является хотя бы то, что произведенный национальный доход в минувшем году по отношению к 1990 г. составил всего 58%, т.е. упал чуть ли не наполовину. Такого в мирное время не знала ни одна крупная страна мира! Промышленная продукция в 1993 г. составляла 63% того, что было выпущено в 1990 г., а капиталовложений было произведено и того меньше — 43%. Этот катастрофический результат — следствие двух главных причин: осуществляемой под видом экономической реформы капитализации страны, а также развала СССР и соответствующего разрыва экономических связей. По разным оценкам, от 30% до 70% экономических потерь — результат разрушения экономических связей.

Казалось бы, экономическая беда страны тяжелым бременем ляжет на плечи всех слоев населения. Не тут-то было! Такой ход экономических перемен совершенно не устраивает наших реформаторов, все еще именующих себя демократами. Социальная справедливость для них неприемлема, а забота о большинстве населения, о народе глубоко чужда!

Как известно, существует несколько вариантов деления россиян по социальному по-

ложению и уровню материальной обеспеченности. По одному из них верхушку российского общества сегодня занимает довольно узкий слой богачей — 3%. Среди них есть «сверхбогатые», у кого в месяц на душу приходится 25 тыс. долларов (50 млн. рублей) и выше. Таких в нашем обществе — 0,6—0,7% или 1 млн. 127 тыс. человек. Хочу подчеркнуть, что это данные официальной статистики за первые четыре месяца текущего года (возможно даже заниженные). В два раза больше (7%) составляет слой высоко- и среднеблагополучных. Примерно половина из них (5 млн. 635 тыс. человек) имеет среднедушевой денежный доход в месяц от 2,5 до 3 млн. рублей. Общим этим группам противостоят бедные (25%) и нищие (65%).

Согласно другим подсчетам, слой богатых составляет 3—5% населения, среднеобеспеченных — 12—15%, а бедных и нищих соответственно 40% и 40%. Даже по приукрашенной официальной статистике люди с доходом ниже прожиточного минимума (в декабре 1993 г. он равнялся 42 тыс. рублей или 34 долларам) составляют 27% населения, т.е. почти 1/3 [2]. «За чертой прожиточного минимума к началу 1994 года, — пишет член-корреспондент РАН М. Руткевич, — было 58 миллионов россиян. Но и это не все. До 10 миллионов человек находилось за чертой физиологического минимума — это те, кто не доедает, не имеет средств на приобретение предметов личной гигиены и необходимейших лекарств» [3]. Сегодня уборщица в коммерческой структуре имеет более высокий оклад, чем профессор Московского университета.

Особенно показательно, что не создаются, а наоборот; размываются среднеобеспеченные слои граждан, которых еще Аристотель рассматривал в качестве фундамента стабильности общественной жизни.

Ведь в рамках Советского Союза до его развала «беловежскими пушистами» в стране существовал мощный слой или пласт «людей среднего достатка»: высший слой партийно-государственной номенклатуры и часть наиболее квалифицированной интеллигенции.

Многие политологи сегодня уповают на «средний класс», который вот-вот станет опорой демократических преобразований. Но это ни на чем не основанные надежды: ведь в сегодняшней экономической жизни России идет не формирование «среднего класса», а противоположный процесс все большей поляризации населения. Об этом свидетельствует рост так называемого децильного коэффициента. Так, соотношение доходов 10% наиболее обеспеченных граждан к доходам 10% наименее обеспеченных в 1991 г. составляло 4,5. К концу 1992 г. этот показатель поднялся до 7,5—8, а вот к концу 1993 г. он вырос уже до 11 [3].

Думаю, ни один честный человек, изучающий жизнь современной России, не будет спорить с Ю. Буртиным и Г. Водолазовым о том, что высшая государственная номенклатура, правящая в центре и на местах, безусловно, в первую очередь относится к тем, кто создавал нынешний строй под себя и кто с полным правом считает этот строй своим. Но можно ли этим ограничиться и считать, что созданный в России общественный строй является строем только правящей бюрократии, номенклатуры, назначенцев и выдвиженцев? Очевидно, есть и другие слои, группы, элиты, для которых созданный строй является родным. Кто они?

Трудно оспорить, что сюда относится также административно-промышленная элита, т.е. директора предприятий, объединений, банков, учреждений — вчерашние их руководители, а сегодня их приватизирующие или использующие как материальную основу своего благополучия. Это «командиры производства», чиновники-управленцы, распорядившиеся раньше отчужденной от трудящихся собственностью, а сегодня тоже эксплуатирующие ее, стараясь стать ее юридическими собственниками. Хотя зачастую у них нет никакой предпринимательской жилки, они тоже непрочь хапнуть кусок пожирнее. Ведь не секрет, что директора даже плохо работающих предприятий, не вписывающихся в рынок, часто назначают себе оклады, в сотни раз превышающие те, что получают рядовые рабочие! Как их квалифицировать? Пожалуй это полусобственники-полуадминистраторы, имеющие пробуржуазный имидж по благосостоя-

нию и общественному положению, но, возможно (по мере банкротства), так и не смогуших стать частью предпринимательской буржуазии,

А разве представители спекулятивно-торгового капитала, быстро и сказочно обогащающиеся за счет обнищания населения в условиях инфляции и взвинчивания свободных цен, не знают, что созданный в России общественный строй — их родной и заботливый инкубатор? А посредники во внешнеторговой сфере, жиреющие на вывозе сырья и перепродаже потребительских товаров: где, в какой стране, кроме нынешней России, они могут рассчитывать на подобное процветание? Разве эти две последние группы — не бесспорные представители нашей нарождающейся буржуазии, вскармливаемой новым режимом?

Наконец, не последнее место здесь занимает и мафия, которая вовсе не сводится к кучке преступных элементов, занимающихся незаконной торговлей наркотиками и оружием, закрытыми казино и проституцией. Нельзя не признать того, что мафия не вчера появилась на свет, что у нее разветвленная сеть производства и сбыта, своей сферы услуг. В результате многих причин мафия сегодня — это невиданная ни в одной стране мира, страшная раковая опухоль, которая своими метастазами пронизала весь ныне существующий в России общественный строй: ведь в его основе с самого начала лежали обман, спекуляция, подкуп. Думаю, что вполне можно согласиться с теми, кто считает, что мафия — это тесное объединение и переплетение предпринимателей, спекулянтов, финансистов и политиков, которые принципиально не соблюдают невыгодных им законов, конституций, и силой оружия устраняют упрямых и упорных, непримиримых конкурентов и противников.

Вот чей это общественный строй. Сказать, что это «номенклатурный капитализм» — мало: как ни узка его социальная опора, она весьма разношерстна, причем едва ли не главная ее отличительная черта — обогащение любыми средствами и любой ценой по принципу «чем меньше совести, тем больше всего остального». Недавно группа французских социологов из Высшей школы социальных наук Парижа под руководством Мишеля Вьевиорка провела в Москве обследование российских бизнесменов в их сравнении с западными. «Комсомольская правда» сообщила о результатах под весьма показательным заголовком: «С этими "новыми русскими" новую Россию не построишь» [4].

Учитывая социальную разношерстность тех, кому на Руси сегодня жить хорошо, думаю, что в эту характеристику строя следует внести и более жесткие уточнения. Было бы, на мой взгляд, правильно утверждать, что **современный общественный строй в России есть помесь остатков коммунистического тоталитаризма и его мобилизационной экономики с сегодняшними спекулятивно-мафиозными зачатками капитализма.** Существеннейшей основой этого типа общества является мощнейший военно-промышленный комплекс, создававшийся как материальная база мировой революции, колхозно-совхозный строй с чахнувшими ростками фермерского крестьянского хозяйства плюс врастающий в них номенклатурно-мафиозный и спекулятивный капитал.

Четвертое и последнее мое замечание: как быть с народом, с большинством граждан? Хорошо известно, что наиболее ревностные и бесстыдные приверженцы утверждающегося и укрепляющегося в России нового общественного строя не скрывают того, что народ для них — быдло (вот она, идеология номенклатурного демократизма и бюрократического высокомерия!), а рядовой гражданин — это безмозглый совок, достойный только того чтобы его эксплуатировала и угнетала властвующая номенклатурно-спекулятивно-мафиозная буржуазия. Просто и ясно: элита создает новый строй, правит и эксплуатирует, народ «вкальывает» и слушается своего радетеля и благодетеля, ведущего всех к новому «светлому будущему». Но, как говорится, «хорошо все на бумаге, да кругом одни овраги, а по ним ходить!»

В статье двух авторов — и в этом один из ее главных недостатков — почти ничего не говорится о народе и его отношении к судьбе нового строя: к его созданию и будущему. А жаль! Получается: главный субъект истории — номенклатура, она ре-

шала и решает, куда идти России, в то время как другие граждане — воск, из которого валяют те фигуры, которые необходимы номенклатурным творцам судеб страны. Оба автора, судя по другим их статьям, здесь могли бы сказать много интересного. Ведь и сегодня есть такие, кому по тем или другим причинам выгодно отстаивать ложь, доказывая, будто простые россияне во всех наших преобразованиях ни при чем. Но это глубокое заблуждение! Только совершенно наивный социолог или начинающий политолог могут думать, что нынешний общественный строй возник «без ведома» народа, будто бы оставшегося безучастным к происходящему. Нет! Это не так!

Он активно участвовал в создании сталинского казарменного псевдосоциализма. Во времена «хрущевской оттепели» и «горбачевской перестройки» он постепенно просыпался, озирался вокруг, а потом, очнувшись от тоталитарной спячки, стал активно разрушать старое во имя лучшего будущего. Народ активно митинговал, поддерживая «прорабов перестройки» — радикальных демократов, колебался, идя на референдум об СССР, но в общем и целом проголосовал за сохранение великой державы. Затем оцепенело взирал на антигосударственный заговор ГКЧП в августе 1991 г. и, послав горстку своих представителей на защиту Белого дома, с облегчением встретил провал путча и радовался завоеванным свободам. Но, твердо зная: «баснями соловья не накормишь», жаждал экономических реформ и, когда они обрушились на него, проявил неслыханную стойкость и долготерпение, веря, что реформаторы выведут Россию на светлый путь прогресса. Когда же обещанное облегчение все отодвигалось и отодвигалось, россияне стали сомневаться, мрачнеть, осознавая чудовищную цену, уже заплаченную за мизерные достижения, за те жертвы, которые пришлось положить на алтарь несбывшихся надежд.

Нет, народ все время участвовал, был прямо причастен к тому, что творилось на исторической арене. Народ и сейчас взирает на происходящее и вот-вот скажет все, что думает об обобравшем его до нитки новом общественном строе.

Один раз — 12 декабря 1993 г. — он уже высказался, и его мнение весьма существенно разошлось с надеждами тех, кто столь настойчиво его созидал. Это явилось неожиданностью для власть имущих. Не окажется ли следующее высказывание россиян губительным для самого созданного общественного устройства?

ЛИТЕРАТУРА

1. Известия. 1994. 1 июня.
2. Социальная и социально-политическая ситуация в России. Анализ и прогноз. М., 1994. С. 25—26: Аргументы и факты. 1994. № 24.
3. Руткевич М. Воздыхания о «среднем классе» // Правда. 1994. 13 мая.
4. Комсомольская правда. 1994. 9 июня.